
В · Л · А · Д · И · М · И · Р

СОРОКИН

**Сахарный
Кремль**

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С65

Художественное оформление и макет
Екатерины Фerez

Сорокин, Владимир Георгиевич.

С65 Сахарный Кремль / Владимир Сорокин. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 256 с. — (Эксклюзивная новая классика).

ISBN 978-5-17-112208-9

Сахарный, белый Кремль — сердце России 2020-х, пережившей Красную, Серую и Белую Смуты, закрывшейся от внешнего мира и погруженной в сон.

Этим сердцем понемножку владеют все, ведь и у скотницы, и у ээка, и у лилипута есть хотя бы осколок его рафинадной копии, но на самом деле оно никому не принадлежит. Пятнадцать новелл из сборника «Сахарный Кремль», написанных как будто совсем по-разному и о разном, складываются в картину прозрачной, обреченной реальности, размокающей, как сахарная башенка в чае.

Впервые сборник рассказов «Сахарный Кремль» вышел в 2008 году. Вместе с повестью «День опричника» был номинирован на премию «Большая книга»; в 2009 году получил приз зрительских симпатий премии «НОС».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112208-9

© Владимир Сорокин, 2008
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Оглавление

Марфушина радость	9
Калики	37
Кочерга	51
Сон	77
Харчевание	85
Петрушка	109
Кабак	125
Очередь	141
Письмо	157
На заводе	173
Кино	183
Underground	197
Дом терпимости	215
Хлюпино	229
Опала	243

Русь, ты вся поцелуй на морозе!
Синеют ночные дорожи.

Велимир Хлебников

Но сколько произвола таится в этой тишине,
которая меня так влечет и заораживает!
сколько насилия! сколь обманчив этот покой!

Астольф де Кюстин.
Россия в 1839 году

Марфушина радость

Зимний луч солнечный сквозь окно заиндевелое пробился, Марфушеньке в нос попал. Открыла глаза Марфуша, чихнула. На самом интересном лучик солнечный разбудил: про заколдованный синий лес Марфуша опять сон видела да про мохнатых шустряков в том лесу. Подмигивали шустряки мохнатые из-за деревьев синих, высовывали языки огненные изо ртов своих горячих, выписывали языками теми на коре деревьев светящиеся иероглифы, да все самые древние-предревные, сложные-пресложные, неведомые и самим китайцам, такие иероглифы, что *тайны* великие и страшные открывают. Душа замирает от сна такого, а видеть его почему-то приятно очень.

Откинула Марфуша ногой одеяло, потянулась, увидела на стене живую картинку с Ильей Муромцем, на долгогривом Сивке-Бурке скачущим, и вспомнила — последнее воскресенье сегодня. Послед-

нее воскресенье рождественской недели. Хорошо-то как! Рождество святое все еще не кончилось! В школу токмо завтра идти. Неделю отдыхала Марфушенька. Семь дней будильник *мягкий* в семь часов не булькал, бабушка за ноги не дергала, папа не ворчал, мама не торопила, ранец с умной машиной спину не тянул.

Встала Марфуша с кровати, зевнула, стукнула в перегородку деревянную:

— Ма-м!

Нет ответа.

— Ма-а-ам!

Заворочалась мама за перегородкой:

— Чего тебе?

— Ничего.

— А ничего — так и спи себе, егоза...

Но Марфушеньке спать уж не хочется. Глянула она на окно замерзшее, солнцем озаренное, и вспомнила сразу, *какое* воскресенье сегодня, запрыгала на месте, в ладоши хлопнула:

— Подарочек!

Напомнило солнышко, напомнили узоры морозные на стекле *о главном*:

— Подарочек!

Взвизгнула Марфуша от радости. И испугалась тут же:

— А час-то который?!

Выскочила в рубашечке ночной, с косой расплетенной-растрепанной за перегородку, на часы глянула: полдесятого всего-то! Перекрестилась на иконы:

— Слава тебе, Господи!

Подарочек-то токмо в шесть вечера будет. В шесть вечера, в последнее воскресенье Рождества!

— Да что ж тебе не спится-то? — Мама недовольно приподнялась на кровати.

Заворочался, засопел носом лежащий с мамою рядом отец, да не проснулся: вчера поздно пришел с площади Миусской, где торговал своими портсигарами деревянными, а ночью опять стучал стамеской, мастерил колыбельку для будущего братца Марфушиного. Зато бабка на печи сразу проснулась, закашляла, захрипела, сплюнула, бормоча:

— Пресвятая Богородица, прости нас и помилуй...

Увидела Марфушу, зашипела:

— Что ж ты, змея, отцу спать не даешь?

Закашлялся и дед в углу своем, за другой перегородкой. Марфуша в уборную скрылась — от бабки подальше. А то еще в волосы вцепится. Бабка злая. А дедуля добрый, разговорчивый. Мама серьезная, но хорошая. А папаня молчаливый да хмурый всегда. Вот и вся семья Марфушина.

Справила нужду Марфуша, умыла лицо, на себя в зеркало глядя. Нравится Марфуша себе самой: личико белое, без веснушек, волосы русые, ровные, гладкие, глаза серые, в маму, нос маленький, но не курносый, в папу, уши большие, дедушкины, а брови черные, бабушкины. В одиннадцать лет свои Марфуша умеет многое: учится на хорошо, с умной машиной на «ты», по клавише печатает вслепую, по-китайски уже много слов знает, маме помогает, вышивает кре-

стом и бисером, поет в церкви, молитвы легко учит наизусть, пельмени лепит, полы моет, стирает.

Вытянула из стакана свою щетку зубную в виде дракончика желто-красного, оживила, напоила зубным эликсиром, сунула в рот. Приснул дракончик на язык *мятнымприятным*, набросился на зубы, заурчал. А Марфушенька тем временем расческу в волосы запустила. Занялась расческа *слоеная* работой своей привычной, поползла, жужжа, по русым волосам Марфушиным. Хороши волосы у Марфуши! Гладкие, длинные, шелковистые. Одно удовольствие расческе по таким полозить. Расчесала она их, вернулась к макушке и принялась косу заплетать. Марфушенька щетку-дракончика изо рта в руку выплюнула, промыла, в стакан поставила. Подмигнул ей дракончик-зубочист глазком огненным и застыл до следующего утра.

А уж на кухне бабушка неугомонная зовет-суетится:

— Марфа, ставь самовар!

— Щас, баб! — крикнула Марфуша ответно, расческу китайскую поторопила:

— Куай-и-дьярр!¹

Заурчала расческа громче, замелькали *мягкие* зубья ее в волосах русых побыстрее. Выбрала Марфуша бантик оранжевый и пару вишенок, дождалась, пока расческа дело свое доделает, и через перегородки — на кухню.

По плечу Марфуше наполнить самовар полутора-ведерный: налила воды, бересту подожгла, кинула

---

¹ *Куай-и-дьярр!* — Быстрее! (*кит.*)

в жерло черное, а сверху — шишек сосновых, за которыми они целым классом в Серебряный Бор ездили. Три мешка шишек набрала Марфуша за неделю. Подмога это большая родителям. И Москве-матушке.

Затрещала береста, Марфуша поверх шишек пук щепы березовой сунула, патрубок вставила, да другой конец — в дырку в стене. Там, за стеною, — труба печная, общая, на весь их шестнадцатизэтажный дом. Загудел весело самовар, затрещали шишки.

А бабка уж тут как тут: едва молитву утреннюю прочла, сразу и печь топить принялась. Теперь уже все в Москве печи топят по утрам, готовят обед в печи русской, как Государь повелел. Большая это подмога России и великая экономия газа драгоценного. Любит Марфуша смотреть, как дрова в печи разгораются. Но сегодня — некогда. Сегодня день особый.

В свой уголок Марфуша отправилась, оделась, помолилась быстро, поклонилась живому портрету Государя на стене:

— Здравы будьте, Государь Василий Николаевич!

Улыбается ей Государь, глазами голубыми смотрит приветливо:

— Здравствуй, Марфа Борисовна.

Прикосновением руки правой Марфуша умную машину свою оживила:

— Здравствуй, умница!

Загорается голубой пузырь ответно, подмигивает:

— Здравствуй, Марфуша!

Стучит Марфуша по клавише, входит в интерда, срыгает с Древа Учения листки школьных новостей:

Рождественские молебны учащихся церковно-приходских школ.

Всероссийский конкурс ледяной скульптуры коня Государева Будимира.

Лыжный забег с китайскими роботами.

Катания на санках с Воробьевых гор.
Почин учащихся 62-й школы.

Зашла Марфуша на последний листок: Учащиеся церковно-приходской школы № 62 решили и в Светлый Праздник Рождества Христова продолжить патриотическое вспомоществование Большевскому кирпичному заводу по государственной программе «Великая Русская Стена».

Не успела в личные новостушки соскочить, а сзади дед табачным перегаром задышал:

— Доброе утро, попрыгунья! Чего новенького в мире?

— Школьники и в Рождество кирпичи лепят! — отвечает Марфуша.

— Во как! — качает дед головой, на пузырь светящийся смотрит. — Молодцы! Эдак Стену к Пасхе закончат!

А сам пальцем Марфушу в бок. Смеется Марфуша, подсмеивается дед в усы седые. Хороший дедушка

у Марфуши. Добрый он и разговорчивый. Много, ох много повидал, много порассказывал внучке о России: и про Смуту Красную, и про Смуту Белую, и про Смуту Серую. И про то, как Государев отец, Николай Платонович, Кремль побелить приказал, а мавзолей со смутьяном красным в одночасье снес, и про то, как жгли на площади Красной русские люди паспорта свои заграничные, и про Возрождение Руси, и про героических опричников, врагов внутренних давящих, и про прекрасных детей Государя и Государыни, про волшебные куклы их и про белого коня Будимира.

Щекочет дед Марфушу бородой своей:

— А ну, егоза, спроси свою умницу, сколько кирпичей в Стене не хватает?

Спрашивает Марфуша. Отвечает умница голосом послушным:

— Для завершения Великой Русской Стены осталось положить 62 876 543 кирпича.

Подмигивает дед нравоучительно:

— Вот, внученька, кабы каждый школьник по кирпичику слепил из глины отечественной, тогда бы Государь враз Стену закончил и наступила бы в России счастливая жизнь.

Знает это Марфуша. Знает, что никак не завершат строительство Стены Великой, что мешают враги внешние и внутренние. Что много еще кирпичиков надобно слепить, чтобы счастье всеобщее пришло. Растет, растет Стена Великая, отгораживает Россию от врагов внешних. А внутренних — опричники Го-